

Человек – Текст – Культура / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург, 1994. 237 с.

В предисловии к монографии ее общая концепция сформулирована редакторами следующим образом: "Реализованы два основных подхода к тексту как к объекту лингвистического анализа – антропоцентрический и культуроцентрический". Коллектив авторов стремился "преодолеть известные стереотипы, сложившиеся в лингвистике текста, повернуть теорию текста к человеку и культуре народа" (с. 3). В соответствии с этой проблематикой книга состоит из двух частей: "Человек и текст", "Текст и культура".

Нужно отметить, что замысел монографии реализован в ней в полной мере:

каждый из девяти небольших разделов книги, будучи автономным, характеризуется ярко выраженной оригинальностью исследовательской позиции и объединяется с другими разделами направленностью на изучение человеческого фактора в тексте, включая культурологические аспекты последнего. Пожалуй, концентрированная представленность в монографии новых, эвристически значимых гипотез и решений по широкому кругу вопросов – психолингвистических, стилистических, генологических, лингвокультурологических – составляет главную ее особенность. Авторскому коллективу удалось обосновать целый ряд

перспективных подходов к изучению текста как "гуманистической структуры", т.е. к его изучению в неразрывной связи с человеком и культурой.

Первая часть монографии открывается работой Л. В. Сахарного "Человек и текст: две грамматики". Обобщая последние данные по полушарной асимметрии головного мозга и опираясь на результаты собственных экспериментов, автор приходит к выводу о том, что, вопреки сложившимся представлениям, в речевой деятельности активно участвует не только левое, но и правое полушарие. В связи с этим и ставится вопрос о двух грамматиках: лево- и правополушарной, взаимодействие которых обеспечивает нормальную речь. Интерпретируя экспериментальные данные, Л.В. Сахарный приводит важные сведения о речедейятельностных функциях правого полушария. В частности, последнее осуществляет "грубые" операции обработки синтаксической структуры сообщения, напоминающие актуальное членение (в отличие от определяемых левым полушарием "тонких" формально-логических операций). Именно правое полушарие обеспечивает цельность текста, в связи с чем она рассматривается как базовая категория правополушарной грамматики.

Получает развитие авторская концепция семантической деривации текста (многоуровневого тема-рематического структурирования цельности). Так, рассматриваются механизмы внешней вербализации темарематических комплексов, разновидности последних, объединение комплексов в более сложные структуры.

Особенно интересной представляется обобщенная модель механизмов построения текста, бесспорное достоинство которой состоит в соотношении порождающего процесса с работой левого и правого полушарий головного мозга, что существенно уточняет научные представления о закономерностях речевой деятельности.

И. Я. Чернухина в разделе "Виды речемыслительной деятельности и типология текстов" справедливо указывает на необходимость переосмысления традиционной трактовки интра- и экстралингвистического. "Настало время упрекнуть лингвистов в том, что по сложившейся традиции они относят воплощенную в речи мысль к экстралингвистическим явлениям" (с. 60). На материале поэтических текстов автор разрабатывает актуальную для стилистики и поэтики проблему дифференциации типов речи в соответствии с типами

воплощенного в них мышления. Выделяются и характеризуются такие разновидности мысли, как отражение, воспоминание, репродукция, интерпретация, рефлексия и — в зависимости от преобладания в речи того или иного речемыслительного типа — соответствующие виды поэтических текстов, а также тексты смешанного типа.

Очень интересна, на наш взгляд, гипотеза об интуитивном процессе дробления первоначального структурного зачина мысли на универсальные семы и о последующем их воплощении в узуальных семемах, тропах, окказионализмах. Моделирование этих процессов позволило автору рассмотреть разновидности речемыслительной деятельности — семемную, семно-семемную, семную, нежестко коррелирующие с типами мышления. Плодотворность этих теоретических представлений убедительно доказана анализом стихотворений М. Цветаевой.

Вместе с тем положение автора об универсальности выделенных разновидностей мышления для любой творческой деятельности и соответственно для разных функциональных стилей (публицистического, научного), с нашей точки зрения, требует оговорки. По-видимому, и в публицистическом, и в научном стиле можно обнаружить специфические проявления указанных видов мышления, однако едва ли последние определяют своеобразие этих стилей. Во всяком случае, указанные автором разновидности мышления именно в этом составе присущи прежде всего художественной речи. Естественно предполагать, что функциональные стили характеризуются не только модификацией универсальных мыслительных процессов, но и специфическим составом и сочетанием видов мышления, что, однако, должно стать предметом специальных изысканий.

Фундаментальная проблема текстовых взаимодействий, производства одних текстов на основе других исследуется Л. М. Майдановой (раздел "Речевая интенция и типология вторичных текстов"). С учетом различий интенции субъекта речи рассматриваются речевые жанры, основанные на воспроизведении текста, циклизации первичных текстов, представляющие собой своеобразный диалог с текстом, завершение первичного текста или его продолжение. Тем самым предлагается совершенно новый подход к типологии речевых произведений. Кроме того, прослеживая закономерности создания вторичных текстов, автор вскрывает конститутивные признаки целого ряда речевых жанров — реферата, изложения, тематической под-

борки статей, пародии, рецензии, комментарии и др., опираясь при этом на обширный материал различных функциональных стилей.

Исследования О. Б. Сиротининой "Тексты, текстолды и дискурсы в зоне разговорной речи" и Т. В. Матвеевой "Непринужденный диалог как текст" внешне противоположны по своим выводам, однако, на наш взгляд, в действительности они имеют разный предмет и в конечном счете дополняют друг друга. Так, О. Б. Сиротинина предлагает типологию различных проявлений разговорной речи по отношению к двум традиционным трактовкам текста – его пониманию как сознательно организованной речи и как реальной реализации речевого замысла. С этих позиций показано, что в разговорно-бытовой сфере общения лишь изредка встречаются собственно тексты-рассказы, неоднократно повторенные рассказчиками; более употребительны текстолды, характеризующиеся ослаблением текстовых параметров как в отношении организации сообщения, так и с точки зрения последовательной реализации первоначального замысла, а также тексты-разговоры, текстовой статус которых оправдывается лишь применительно к воплощению замысла. В основном же разговорная речь представлена дискурсами (обменом репликами без особого речевого замысла), которые в обще-принятом смысле текстами не являются. Важно констатировать, что поскольку традиционные трактовки текста, бесспорно, отражают его существенные признаки, то основанная на этих признаках типология надежно разграничивает неоднородные явления разговорной речи.

Между тем Т. В. Матвеева в результате тонкого и глубокого анализа непринужденного диалога убедительно показала, что обычно не осознаваемый его участниками замысел специфичен: он характеризуется сочетанием эмоционально-волевой и социально-практической доминанты при господстве первой (с. 128). Поэтому разговорный диалог "спаян" не интеллектуальными, а эмоционально-коммуникативными проявлениями замысла. Особенно же важно то, что обнаруживается текстовая системность речевой ткани диалога – в текстовых категориях темы ("я-темы"), времени, пространства, тональности; играет роль также ситуативное единство диалога и относительное постоянство состава его участников. Все это позволило Т. В. Матвеевой вполне обоснованно интерпретировать непринужденный диалог как своеобразный, неканонический текст.

Таким образом, если О. Б. Сиротинина справедливо указывает на несоответствие дискурсу (непринужденного диалога) традиционным трактовкам текста и на существенные отличия этой господствующей разновидности разговорной речи от собственно разговорных текстов и текстолдов, то Т. В. Матвеева раскрывает незамечавшиеся ранее признаки целостности непринужденного диалога, что углубляет понимание его природы и позволяет использовать при его изучении понятийный аппарат лингвистики текста и психолингвистики.

Исследованию специфики разговорно-бытовой речи посвящен и следующий раздел монографии – "Культурно-речевые аспекты разговорного текста" (авторы Н. Е. Богуславская и И. А. Гиниятуллин). На основе анализа ряда речевых параметров – логичности, выразительности, ясности, правильности, чистоты – делается важный вывод: в непринужденном диалоге "снижается значимость коммуникативных качеств собственно языкового плана. Зато неизмеримо возрастает... значимость качеств прагматического и этического характера" (с. 145). К тому же каждое из этих качеств проявляется в разговорной речи по-иному, чем в письменных монологических текстах различной стилиевой принадлежности. Беспорный интерес вызывает и представленная в работе программа обучения диалогу как коммуникативной деятельности. В целом же исследование доказывает актуальность оценочно-нормативного, лингводидактического изучения разговорной речи, намечая перспективные аспекты такого изучения.

Вторая часть монографии открывается работой Л. Н. Мурзина "Язык, текст и культура", в которой живые, плодотворные идеи структурной лингвистики органично соединяются с динамической концепцией языка, восходящей к гумбольдовскому понятию *energeia*.

По мнению автора, если следовать духу теории Э. Бенвениста, то высшим уровнем языка в самой широкой его семиотической трактовке нужно признать не предложение и даже не текст, а культуру, поскольку культура в основе своей семиотична, а тексты являются ее единицами. Текст, образуя предшествующий культуре уровень языка, получает свою определенность только как ее элемент. Поэтому в культуре следует видеть "не просто объект одной из смежных наук, но и нечто большее – феномен, без рассмотрения которого сам язык не может быть осмыслен глубоко и полно" (с. 162).

Ценной представляется идея Л.Н. Мурзина о двойственной природе культуры: "Культуру нельзя представить в виде некоей застывшей массы текстов. Культура в сознании носителей непрерывно видоизменяется: она живет постольку, поскольку ее компоненты – тексты – интерпретируются, она умирает без интерпретации" (с. 167). В этом смысле культура выходит за пределы языка и принадлежит миру творческой духовной жизни человека. Заметим, кстати, что интерпретация текста, согласно Л.Н. Мурзину, обязательно приводит к порождению нового текста, чем лишний раз подтверждается актуальность постановки вопроса о вторичных текстах (см. соответствующую главу монографии).

В разделе "Типологические характеристики художественного текста на фоне традиций русской литературы XIX–XX вв." (автор Н. А. Кожина) массив художественных текстов указанного периода рассматривается с точки зрения их типологических признаков, в частности, анализируются типы повествования, варианты соотношения прямых и непрямых значений языковых единиц в узком и широком контексте, включая употребление тропов, многообразные типы повтора. Тщательное рассмотрение обширного фактического материала, несомненно, обогащает сведения об устойчивых проявлениях организации художественного текста. По-видимому, в ряде случаев анализ функционирования языковых единиц и речевых явлений выиграл бы при использовании элементов статистической методики и учета базовых для художественного текста экстралингвистических факторов.

Завершающая монографию работа Н. А. Купиной и Г. В. Битенской "Сверхтекст и его разновидности" посвящена обоснованию нового для лингвокультурологии объекта. Исходя из широкого понимания культуры как совокупности материальных и духовных ценностей общества, авторы пришли к оригинальной и

глубокой мысли о целесообразности исследования речевого выражения ценностной ориентации социума на материале не только отдельных произведений, но и сверхтекста. Последний определен как совокупность высказываний, текстов, ограниченных темпорально и локально, объединенных содержательно и ситуативно, характеризующихся цельной модальной установкой, определенными позициями адресанта и адресата, особой нормой (с. 215). Представленный в разделе опыт анализа сверхтекста (речевой действительности периода путча 19–21 августа 1991 г.) свидетельствует об объединенности его составляющих по всем указанным в определении признакам, т.е. демонстрирует его своеобразную целостность. В результате получает интересное развитие концепция неканонического текста (см. также раздел "Непринужденный диалог как текст").

Предложенная авторами типологизация сверхтекстов, определяя важнейшие виды последних в отношении типа целостности, маркированности конца, коммуникативной рамки, вида структурирования, вместе с тем указывает аспекты дальнейшего изучения этого важного для лингвокультурологии и социолингвистики феномена.

Заканчивая краткий критический обзор монографии, еще раз подчеркнем перспективность разрабатываемых авторами подходов к языку и тексту, эвристическую значимость содержащихся в ней идей. Отметим также, что выход в свет этой интересной книги весьма симптоматичен: лингвистика текста, очевидно, не может более ограничиваться статической трактовкой языка, изучением в основном лишь логико-семантических параметров речевых произведений. Поэтому предпринятое авторским коллективом целенаправленное исследование текста в его отношении к человеку и культуре, несомненно, будет стимулировать интерес лингвистов к этой фундаментальной проблематике.

М.Н. Кожина, В.А. Салимовский